

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ**"Опыты" Михаила Обуховского**

Читая присланную из Израиля и там же изданную друзьями (особый поклон Зине Долговой!) книгу Михаила Обуховского "Джазовые вариации на тему Одессы", я невольно вспоминала строки Осипа Манделштама "Кто за честь природы фехтовальщик? Ну конечно, пламенный Ламарк". Таким "пламенным фехтовальщиком" за честь Одессы, за ее историю, ее героев, за былую славу европейского города видится мне наш старинный друг Михаил Петрович Обуховский, для нас на протяжении полувековой дружбы — Миша. Миша Обуховский!

В далекой уже юности, в абсолютно законопаченной стране, в городе, который гнули и ломали, пытались превратить в захудалый областной центр, сохранились, вопреки всему, "джазовые вариации", не только у легендарных Евгения Болотинского, Аркадия Астафьева и Николая Голощапова. Они сохранились в карнавалной природе южного города, в интонационной неповторимости одесской речи, в парадоксальности одесских дворов и коммунальных квартир...

В этом климате проходила молодость. Память об этом хранит Михаил Обуховский, уже двадцать лет живущий во Франции, в Лионе. И там, во Франции, он находит и сохраняет, передает нам, своим землякам, след и память Одессы — французскую Одессу или Одессу во Франции.

К сожалению, я не могу посоветовать читателю броситься на поиски этой замечательной книги. Изданная небольшим тира-

жом, она преподнесена в дар от имени Миши Обуховского его друзьям. Одно утешение — страницы текстов книги знакомы неравнодушному к своему городу читателю, потому что публиковались на страницах альманаха "Дерибасовская-Ришельевская", газеты "Всемирные одесские новости"... Собранные же вместе, под одной обложкой, эти страницы создают своеобразный портрет города и самого автора.

К какому жанру отнести эти страницы? К воспоминаниям, к художественным очеркам? Наверное, лучше всего здесь подходит емкое французское слово "эссе", ставшее у нас по-настоящему популярным с легкой руки Ильи Эренбурга, с его "Французских тетрадей", изданных чуть более полвека назад. Эссе — краткая, легкая, личностная проза, не похожая на академическую статью и на утомительные подчас мемуары. Одним словом, "Опыты", как переведено на русский язык знаменитое сочинение Мишеля Монтеня.

Так вот, книга Михаила Обуховского — его "Опыты", в которых, по Пушкину, много "ума холодных наблюдений и сердца горестных замет". Хотя "горестных замет" больше...

Не скрою, читать страницы, где все знакомо, где живут Саша и Рита Ануфриевы, Юлик Златкис, Лина Шац, где упоминается кулинарное искусство моей свекрови, наконец, мой небольшой портрет, написанный Ануфриевым (в репродукции он кажется большего формата, чем в действительности), — удовольствие ни с чем не сравнимое. Строка Манделштама "И сладко нам лишь узнавать миг" подтверждена много-

кратно. И все же в книге Миши Обуховского мне не менее, а в чем-то, признаюсь, даже больше интересны его "французские тетради".

Как не похожи они на поверхностные туристические заметки в современных гляцевых журналах!

Это прогулка с вдумчивым и утонченным собеседником по выставкам и музеям с интереснейшими людьми, будь то художник из Нанси Жерар Тон, выставка которого в Одессе (устроена стараниями автора книги еще в его одесской жизни) стала одним из запомнившихся событий в жизни тогда еще неизбалованного города, Дина Верни — любимая модель великого Майоля. Талантливый во многих ипостасях, Миша Обуховский оказался еще и талантливым дедушкой. Его воспитание — внук сказал: "Дед, смотри, здесь пишется Одесса". Так Миша с помощью внука увидел в одной из галерей Версаля картину неизвестного ему (да и всем нам) художника Эмиля Гиршфельда, родившегося в Одессе в 1867 году и умершего в бретонском городке Конкарно. Не только увидел, но со страстью исследователя узнал и написал прекрасное эссе ("опыт") о малоизвестном во Франции, что уж говорить об Одессе, художнике. Добавил еще веточку в лавровый венок былой одесской культуры.

"Каждый пишет, как он дышит". Анатолий Контуш написал свой замечательный очерк о "парижской Одессе". И Обуховский, путешествуя по следам Модильяни, неожиданно для себя обнаружил "два небольших квартальчика, затерявшихся в шуме бульвара

Монпарнасс" — "Rue d'Odessa" — Улица Одессы! И кафе с таким же названием... Обуховский изменил бы себе, если бы не выяснил дотошно, когда появилась и почему эта улочка в 14-м округе Парижа. Все Крымская война 1854 года, как и наша знаменитая пушка на Приморском бульваре.

Парк Монсо. Золя, Тургенев, Флюбер, Виктор Некрасов так или иначе связаны с этим волшебным парком. "Кусочек Эдемского рая" — называет его Миша Обуховский. Его эссе "Одесские корни Моделей Ренуара" читаются с тем же восторгом, как в детстве читались романы Дюма. Увлечательное повествование о Моисее Камондо, потомке древнейшей фамилии испанских сефардов, и его брате Исааке де Камондо, о коллекциях импрессионистов и постимпрессионистов, подаренных Лувру, об одесских зерноторговцах и финансистах — семье Эфрусси, обосновавшейся в Париже. Шарль Эфрусси был другом Ренуара. Так возникли портреты девчонок из семейства Эфрусси, написанные Огюстом Ренуаром. История семьи — от Иудеи, Испании, Одессы, Парижа до Освенцима. И до музея в Сан-Паулу, где хранится двойной портрет девочек "Розовое и голубое".

От книги не хочется отрываться. И хочется ее перечитывать, но нельзя же ее пересказывать, как нельзя пересказать "джазовые импровизации" Обуховского в заключительной части книги. Эти эссе, "опыты", в которых живопись, архитектура, люди, еще раз вернули меня к Осипу Манделштаму:

А те, кому мы посвящаем опыты,
До опыта приобрели черты.

Мария ЧЕРТКОВА**Воспоминание о встрече с Конецким**

Лет восемь назад в колонке редактора одесской газеты "Слово" сообщалось, что этот мир покинули английская королева-мать и русский писатель Виктор Конецкий. Не имея чести общаться с Королевой, я поклонилась ее памяти и с благодарностью (в который раз!) подумала о роскоши общения с Виктором Викторовичем Конецким и его мамой Любовью Дмитриевной. Тогда же оживила в памяти и на бумаге январский день 1966 года, который провела в Ленинграде на Петроградской стороне, в квартире 20 в доме № 36 по улице Ленина.

В начале далеких 60-х впервые взяла в руки тоненькую книжечку — "Завтрашние заботы" В. Конецкого, еще не зная, что приобретаю одного из любимых моих поколением авторов. Любимого на всю жизнь. Безыскусная, чистая манера письма завораживала.

Я выбрала этого писателя сердцем, как друга и собеседника, и ни разу не обманулась, не разочаровалась.

Начало 60-х — время Аксенова, Гладиллина, Казакова, Конецкого... Мне повезло: я работала тогда в большой библиотеке, и у меня были наставницы, которые открыли девочке огромный мир нужных книг. Тогда мы читали всех молодых авторов запоем. Отдавая дань благодарности каждому из них, мы выбирали "своих".

После "Завтрашних забот" радостным было ожидание каждого нового рассказа или повести Конецкого. Его герои оживали в моем воображении, становились близкими знакомыми, друзьями.

И вот появилась повесть "Соленый лед". До этой повести мне не приходила в голову мысль о знакомстве с автором. На третьем курсе настала пора выбирать тему для курсовой работы по современному русскому языку. Тему "Профессиональная лексика в повести В. Конецкого "Соленый лед" я буквально выпросила: все-таки не многие тогда знали имя писателя. Но благодаря нашей замечательной Галине Михайловне Мижевской, руководителю работы, мне не было отказано в выборе.

Шальная мысль о том, что автор — просто человек, который живет где-то рядом (в Ленинграде), поразила меня. А дальше... Письмо в адресное бюро Ленинграда — ответ милых сотрудников — письмо Виктору Викторовичу с просьбой-вопросом о возможности моего визита и... — совершенно удивительный ответ: приходите, пожалуйста, в такой-то день, в такой-то час.

И вот — студеный январский Ленинград. В чемодане — наброски курсовой работы.

Волнение страшное: мне предстоит встретиться с настоящим писателем, да не просто человеком, пишущим книги, а с тем, чьих героев считаю родными, близкими, любимыми.

Тогда бы записать все, а сейчас уже, конечно, по памяти, которая, надеюсь, не поведет.

К дому № 36 пришла заранее, нашла нужный подъезд и грелась у горячей батареи, репетируя свое поведение и хорошие слова. От волнения сердце колотилось в горле, обе перчатки были надеты на одну руку, а когда в назначенный час нажала кнопку звонка, оказалось, что перепутала подъезды и даже корпус. В страхе, что опоздаю, помчалась по другой лестнице в другом подъезде.

Дверь открылась — меня встретили так тепло, открыто, радушно, что (слава Богу!) забылись все заученные слова. И волнение ушло: казалось, что именно меня давно ждали в этом доме. Встретили не по летам и зaslугам и Виктор Викторович, и Любовь Дмитриевна — мама. Во-первых, любили они нашу Одессу, во-вторых, была я для них смущенной девочкой, в-третьих (наверное), почувствовали, как счастлива я быть в их доме, и как бескорыстно и искренне открылась моя душа для общения с ними. А главное — Конецкие были изначально добры и внимательны к людям, еще проще — любили людей.

С годами все больше понимала, как много добра, тепла, любви щедро отдавали они миру. В моей душе недолгое общение с радушными хозяевами квартиры № 20 оставило ощущение тепла, неподражаемой искренности и... вины перед ними. Хотя в чем моя вина перед светлой памятью Любовью Дмитриевной, а теперь уже и Виктором Викторовичем?

Скорее даже не вина, а досада на собственную черствость: не полетели в их дом ни благодарные письма, ни поздравительные открытки, которые в былые годы мы так щедро десятками бросали в почтовый ящик. Знаю, что боялась навязываться Виктору Викторовичу, который мгновенно отвечал на все (как я понимаю) письма.

Но настоящей моей вины, конечно, нет. Минуло с тех пор 44 года читательской любви, преданности и верности Писателю, радостного ожидания новых его книг и того чтения между строк, которое мне подарил день... января 1966 года.

Любовь Дмитриевна — Мама! Серебряный шелк волос, негромкий голос. Ее глаза согревали, успокаивали, мягко спрашивали и строго ждали ответа. Ничего тогда еще не зная о маме Виктора Викторовича, я чувствовала ее величие, необыкновенную тайну, обаяние мудрого, глубоко знающего жизнь человека.

Виктор Викторович! Его проза так волшебна проста для благодарного читателя, она погружает в чистый светлый поток жизни. Герои Конецкого такие разные, но автор добр и открыт изначально ко всем. Хотя бесспорно, его любимые герои — люди чести и достоинства. Когда героями писателя становились собаки, он и их уважал, любил и ценил, как добрых людей. В ту холодную зиму Виктор Викторович исправно носил на причал суп в котелке — для собак. И не только в те дни, когда стоял вахту.

Говорили, говорили... Я чувствовала, что говорю с родными людьми после разлуки. Меня не то чтобы не торопили — не отпускали. Говорили за чаем, за обедом. На обед подали гороховый суп с сосисками. Более вкусного супа я не ела никогда.

Виктору Викторовичу было интересно все: что читаю, какими авторами болею, как учусь, есть ли у меня парень, и отчего вдруг девчонка выбрала "Соленый лед"? Наверное, так предпологал он, это влияние приморского города Одессы.

Любовь Дмитриевна была убеждена, что гостю нужно повести в театр. Но в театр было сложно попасть, и Виктор Викторович повез меня в Дом кино, где показывали фильм "Семь дней в мае". Пока я смотрела американское кино, он с удовольствием удалился в буфет. Потом усадил в такси и сказал: "Заходите попрощаться".

Когда говорили о книгах и писателях, это был разговор читателя с читателем на равных. И в новом свете предстали его читательские привязанности и доверительный дружеский разговор со студенткой о Чехове и Лермонтове, о Генрихе Бёлле и Хемингуэе, о Льве Толстом, Паустовском, о Сент-Экзюпери, Юрии Казакове...

— Любите Белля? Меня он тоже поразили и захватил, его книги такие тонкие, столько в них лирики... А познакомился с ним — совсем не тот человек, которого я представлял, — прямолинейный, все в лоб, а главное — ни капли юмора, который делает его книги добрыми, человечными. Белль полон боли и надежды. Что за тайна скрыта в каждом писателе!

Позднее я всегда вспоминала их — Любовь Дмитриевну и Виктора Викторовича, а не только его — Виктора Викторовича. Связь между сыном и матерью поражала высотой духовной силой, и даже девочкой я понимала это. У меня и пример был — любимым Конецким Сент-Экзюпери и его любовь к матери. Открывая книги Конецкого, я между строк находила свидетельства особых отношений Виктора Викторовича с мамой. В памяти возникали их улыбки, слова, полуслова, взгляды, которыми они обменивались.

Когда я стала мамой двух сыновей, поняла и оценила это еще сильнее. Для меня проза Конецкого так же высокая и чиста, как его сыновья и человеческая преданность матери.

И снова — Любовь Дмитриевна, строгая и ласковая, несуетная, излучающая свет.

И — Виктор Викторович — в моей памяти навсегда тридцатисемилетний (когда он ушел, я с удивлением поняла, что на 73-м году): неброский, по-морскому спокойный, с голосом ровным и негромким, с характерным "в" вместо "л", с единственно возможной для него искренней и уважительной интонацией, с чувством юмора в составе крови. Конечно, писатель с годами менялся, в его книгах юмор часто граничил с болью, появились горькие страницы о войне, его мудрость и знание жизни, его мужество и стойкость рождали иные строки, не похожие на лирические краски ранних рассказов. Но мне посчастливилось увидеть Конецкого в первое десятилетие его творчества. Хотя и в тот короткий-длинный день я почувствовала, что Виктор Викторович и Любовь Дмитриевна несут в себе глубокую щемящую боль.

О своих и прочитанных книгах Конецкий мог говорить бесконечно. Но курсовая работа была ему не очень интересна. Может быть, не верил, что смогу осилить тему? Странно ли было, что девчонка говорит о труде моряков? Правда, он был не против того, чтобы работу прислала, но я не решилась сделать это, хотя уверена, что он прочел бы, и ответ пришел бы.

Много лет спустя мой старший сын отправил Виктору Викторовичу свои юношеские стихи. Ответ, теплый, человечный, уважительный, пришел, как всегда, — мгновенно.

А через двадцать лет, прочитав "Никто пути пройденного у нас не отберет", я сама вдруг неожиданно для себя написала и отправила Виктору Викторовичу письмо, большое, полное благодарности за все. И ответ пришел. Коротенький, но, как всегда, мгновенный, теплый. Это дорогое для меня письмо сохранилось. Есть в моей домашней библиотеке и две книги Конецкого, подаренные автором в тот день, когда я была гостьей в квартире № 20.

Часто я задаюсь вопросом: с честью нести тяжелую морскую службу, быть "Отечеством достойным сыном", отдавать душу героям своих книг и всегда с уважением отвечать на письма чужих людей — много ли таких писателей? Или для Виктора Викторовича не было чужих людей?

Если бы нужно было сказать о писателе Викторе Конецком только несколько слов, то это были бы слова: цельный, равный себе как личность и писатель.